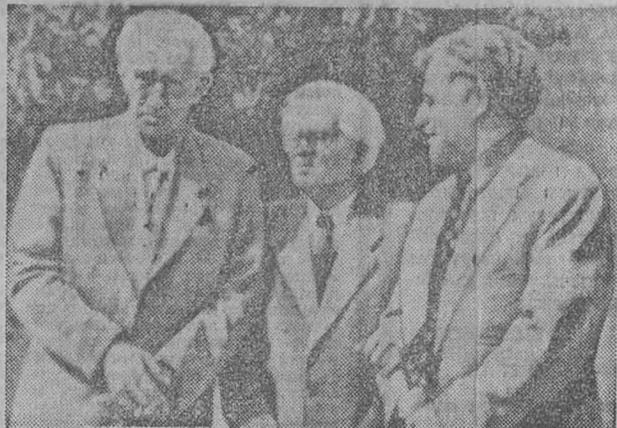

РОЖДЕННЫЙ в небольшой саратовской деревеньке Чернавке, в бедной крестьянской семье, Федор Васильевич Гладков с самого раннего детства испытал голод и лишения, скитания в поисках куска хлеба, частые порки, о которых он говорил с горьким юмором, — все то, что, казалось бы, должно было одеревенить его душу, ожесточить, породить недоверие и подозрительность к людям.

Но нет, этого не случилось! Наоборот, тяжелые испытания в детстве и юности помогли ему глубоко разобраться в людях, понять их поступки и на-

Горьким. Великий пролетарский писатель заметил Гладкова, взял в свой отеческий пригляд и не спускал с него своего зоркого глаза. В нем он почувствовал зерно настоящего, самобытного, яркого таланта и не ошибся. Между ними сложились крепкие писательские отношения, где было место и полемике, и критике, что не мешало Горькому любить Гладкова за искренность, а Гладкову — чтить Горького как своего литературного отца и учителя.

Царский режим жестоко мстил юному революционеру. Он был арестован, сидел в

Б. А. НАВРЕНЬЕВ, Ф. В. ГЛАДКОВ и А. А. СУРКОВ (1958 г.).

К 95-летию Ф. В. ГЛАДКОВА

ТАЛАНТ, ОТКРЫТЫЙ РЕВОЛЮЦИЕЙ

Аркадий ПЕРВЕНЦЕВ

ряду с непреклонной волей и твердым характером воспитать в себе чувство человеколюбия.

Да, жизненный путь Гладкова был нелегким. С девятнадцати лет он учительствовал в Забайкалье, в захолустном сельце Ундинском. Был он учителем заботливым, любил своих бедных воспитанников и, перейдя в село Кокуй на Амуре, оставил о себе хорошую память.

Кокуй был недалеко от Сретенска, где действовала подпольная революционная организация, в которую сразу же вступил Гладков, став ее активным членом. В это время Ф. Гладков начинает и свою публицистическую деятельность. Он борется с царизмом печатным словом, борется самоотверженно. Преодолевая цензурные рогатки, публикует свои первые очерки и рассказы. Не случайно впоследствии сам автор говорит о них, что они довели его: «в них выпалилось мое страстное стремление к правде и справедливости, к борьбе против рабства и черносотенной тирании».

Гладков всегда помнил друзей своей революционной юности — подпольщиков Илью Санжуря, Ивана Бутина, Моисея Губельмана, учителя Подсосова и многих других.

Двадцать с лишним лет Гладков активно переписывался с

тюремь, находился под полицейским надзором. Эти преследования царизма не сломали его, а, наоборот, закаляли. Отсюда идут его страстная убежденность, негибкая воля недюжинного человека-борца.

Октябрь открыл в Гладкове крупного писателя и поставил его в ряд с такими корифеями советской литературы, как Горький, Серафимович, Сергеев-Ценский...

Ф. Гладков работал в Москве, а с лета 1920 года — на Кубани. Он жил в станице Павловской, в городе Ейске, в Призовье, в Краснодаре, в Новороссийске. Везде оставил глубокие следы его педагогической, административной, партийной деятельности. Гладков с сыновним почтением и с душевной любовью относился к Кубани и к ее действительно замечательным, своеобразным людям.

Славший всемирно известный роман «Цемент» был задуман им в Новороссийске. На цементном заводе он состоял в партийной ячейке и был тесно связан с рабочими. Являясь членом окружкома партии, редактором газеты «Красное

Черноморье», заведующим отделом народного образования, Гладков постоянно находился в курсе событий, имел возможность познать сложную жизнь того времени, как говорится, изнутри.

В июле 1943 года, будучи на новороссийском участке фронта, я зашел на батарею Зубкова, стоявшую на мысе Пеннай и своими орудиями сдерживавшую фашистов и заставившую их остановиться на линии двух цементных заводов — «Красный Октябрь» и «Пролетарий».

В граншейном отсеке батареи, расположенной на холме с выжженной дотла растительностью, я увидел матроса, внимательно читавшего какую-то книгу. Фамилия матроса была Брызгалов, а читал он «Цемент» — книгу затрепанную, ходившую по рукам.

— Разрушен чумаловский завод, — с горечью сказал Брызгалов, — придется вновь восстанавливать его.

— Когда?

— Когда отобьем его обратно и вышвырнем фашистов вон!

— Вышвырнем?

— А как же, обязательно. Для того и стоим.

...«Цемент», принесший писателю мировую славу, писался по горячим следам событий. Писатель смело вошел в жизнь и показал суровую, порой аскетически строгой красоту человека, его страсть к свершению даже ценой отказа от личного счастья ради всеобщего блага. Семейная драма Даши и Глеба Чумалова больно отдается в сердце, но возникает более высокое чувство любви, признательности и уважения к подвигу этих людей.

Второй выдающийся роман, «Энергия», был также взят из жизни. В романе нет вымышленных ситуаций, выдуманных характеров. Этому предшествовало пять лет, проведенных автором на первоклассной стройке того времени — на Днепротресте. Этому же предшествовали сотни предварительных зарисовок, очерков, боевой публицистики.

Здесь необходимо упомянуть добрым словом выдающегося большевика, стоявшего во главе тяжелой промышленности страны, Серго Орджоникидзе, который вызвал писателя, сердечно одобрил его труд, поздравил с успехом. Благодаря Орджоникидзе в

«Правде» появилась редакционная статья, высоко оценивающая идейно-художественные достоинства романа.

Незадолго перед войной появляется в печати повесть «Березовая роща», а в войну — под пером Ф. Гладкова выходит множество очерков, статей, беспощадно разящих врага. Тесно связанный с рабочими героического Урала, он пишет повесть «Клятва», в которой увековечивает подвиг гвардейцев тыла.

После войны Гладков принимается за серию повестей автобиографического плана, памятуя настоятельный совет Горького.

«Повесть о детстве», «Вольница», «Лихая година», «Мятежная юность» — эти превосходные по языку и наполненные подлинным пафосом действительно пережитого и художнически прочувствованного материала произведения не могут оставить равнодушным даже самое тугое на чувство сердце.

Писатель плел свою лебедью песню вдохновенно, погружаясь в прошлое и выплывая на простор современности. Сменю думать — мы еще недо-

статочно оценили эти произведения.

Гладков не был добреньким, но был добрым, не был чистеньким, но был кристально чистым человеком.

Чистота его души была изумительна. Он никогда не шел на сделки с совестью, ненавидел угодничество и приспособленчество. Он не признавал душевной расхлябанности, шел в открытую в споре, не искал мирных формул, а если нужно, резал правду-матку, не оглядываясь, не стараясь обеспечить себе надежные тылы.

Я не раз наблюдал его во время разговора о литературе, которую он искренно и почтительно любил, и никогда не кичился своим местом в ней. Он относился к своему творчеству беспощадно, негодовал на себя, переписывал и перечеркивал написанное, всячески искал нужные не для красоты, а для наиболее полного и сильного выражения мысли.

Гладков мало заботился о себе. Удивительно скромный, неприхотливый, мало обращающий внимание на свои нужды, он отлично понимал нужды других. Он пристально всматривался в молодую поросль,

радовался ее успехам, печалился неудачами, протестовал против бездельников, самовлюбленных юнцов, открыто и прямо советовал им переменить профессию, не искать от литературы выгод, а уйти прочь с дороги и не мешать талантам развиваться.

Его работа директором Литинститута была построена на этих принципах.

Достаточно назвать имена именитых бывших его воспитанников — Юрий Бондарев, Расул Гамзатов, Владимир Тендряков, Семен Шуртаков, Александр Туницкий, Ольга Кожухова, Борис Бедный, Евгений Винокуров и многие другие.

Лично меня связывала с Гладковым сердечная дружба. Беседы с ним доставляли истинное наслаждение. Никогда он не говорил по-пустому. У него много можно было научиться — хорошему и полезному. Никогда Федор Васильевич не водил моим пером, но следил за мной и направлял меня, а поэтому как его, так и Серафимовича я считаю своими мудрыми учителями.

Горько, что нет их среди нас. Таково, к сожалению, беспощадное время.

М.М. Газета, 1948, 13 дек